

Из комментаторских заметок

4. К публикациям статей С.Н. Дурылина о символизме

Н.А. Богомолов

Аннотация: В заметках приводятся дополнительные данные (в том числе, по материалам архива ГАХН — Государственной Академии художественных наук) к истории докладов 1925–1926 гг. и соответствующих статей Сергея Дурылина о раннем русском «декаденте» Александре Добролюбове и о рецепции поэзии Ш. Бодлера в русском символизме. Будучи опубликованными 90 лет спустя, эти работы получили известность в 1920 годы — в том числе, благодаря заинтересованному обсуждению в ГАХН, где доклады собрали довольно широкую аудиторию литераторов и ученых.

Ключевые слова: С.Н. Дурылин, ГАХН, русский символизм, источниковедение, комментарий

Информация об авторе: Николай Алексеевич Богомолов, д.ф.н., профессор МГУ, Москва. E-mail: nab50@mail.ru

В изучении истории русской культуры XX века фигура Сергея Николаевича Дурылина стала занимать значительное место. Вышли несколько книг его прозы, статей и неопределенного жанра произведение «В своем углу», появились посвященные целиком ему или в значительной степени ему сборники, издана биография. И тем не менее, исследователи явно находятся только в начале пути. Малоизвестен Дурылин 1910-х годов, аресты и ссылки разбивают его биографию 1920-х, а Дурылин, писавший в 1930–1950-е об официально признанных деятелях русской культуры, мало кому сейчас интересен. И потому даже лежащие на поверхности сведения о его трудах и днях зачастую остаются необследованными. Не претендуя на многое, мы хотели бы привести ряд данных, связанных с судьбой некоторых существенных для истории русского литературоведения дурылинских произведений середины 1920-х годов.

После своего освобождения из ссылки в конце 1924 г. и до нового ареста летом 1927 г. С.Н. Дурылин принимал самое актив-

ное участие в работе ГАХН¹. Согласно хронике в «Бюллетенях ГАХН», он сделал доклад в Отделении археологии (о раскопках в Челябинске), 6 докладов в Комиссии нового искусства (живопись), входившей в Социологическое отделение, и 10 докладов в различных подсекциях Литературной секции. Отчасти это было вызвано стремлением заработать², но только отчасти. Во-первых, требовала выхода его интеллектуальная энергия, а во-вторых, уже в Челябинске он начинает вести записи «В своем углу», где весьма сильно мемуарное начало, что сказалось и на его докладах в ГАХН.

Нас будут интересовать три его доклада, тесно между собою связанных, прочитанных за один год, с октября 1925 по октябрь 1926-го. Два из них недавно впервые опубликованы, и здесь хотелось бы добавить некоторые материалы к этим добросовестным публикациям.

1. «АЛЕКСАНДР ДОБРОЛЮБОВ»

Статья С.Н. Дурылина «Александр Добролюбов» не слишком давно, но уверенно введена в круг тех исследований 1920-х годов о раннем русском символизме, которые не утратили своего значения до сей поры. Насколько мы знаем, впервые использовал ее А.А. Кобринский в своем предисловии к изданию стихов Добролюбова³ по машинописи из фонда Дурылина в РГАЛИ. В 2014 г. по экземпляру машинописи с правкой и с подписью «С. Раевский» (один из многих псевдонимов Дурылина) из собрания Дома-музея С.Н. Дурылина (Большево) статью опубликовали А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых⁴. Однако ни в том, ни в другом случае не было указано, что работа эта вошла в научный оборот в то же время, когда была написана.

---

¹ В последнее время деятельность ГАХН была изучена с различных сторон, однако как раз работой литературной секции почти не занимались. См. только что вышедший двухтомник: Искусство как язык — языки искусства: Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. М., 2017. Многие материалы размещены также на сайте: <http://dbs.rub.de/gachn/index.php?pg=17&g0=2&l=ru> (дата обращения 19.05.2017).

² В архиве Дурылина сохранилось много однотипных справок о полученных за доклады гонорарах. Обычно такой гонорар составлял 10 рублей (см.: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 961).

³ *Минский Н., Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2005. С. 430 и далее. Эта машинопись представляет собою вполне точную копию рукописи: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 25.

⁴ *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920 годов / Сост.: А. Резниченко и Т. Резвых. СПб., 2014. Далее: *Дурылин*, с указ. стр.

Среди опубликованных отчетов Государственной Академии художественных наук мы обнаруживаем известие об этом: «*П/секция русской литературы*, поставив своим главным заданием изучение раннего символизма, заслушала следующие доклады: С.Н. Дурылин сделал сообщение (9.X.[1925]) на тему “Александр Добролюбов” (К истории раннего символизма). Докладчик указал, что А. Добролюбов является первым русским “декадентом”, совершенно самостоятельно пришедшим к культу личности и признанию новых поэтических форм, и оказавшим значительное влияние на ранних русских символистов (Брюсова, И. Коневского и др.). Кризис, пережитый Добролюбовым в 90-х гг., приведший его от атеистического “декадентства” и эстетического индивидуализма к религиозным исканиям, завершился уходом Добролюбова в народ»⁵.

Доклад про А. Добролюбова анонсировался Дурылиным в ГАХН как один из возможных в цикле о русском символизме, о чем свидетельствует письмо секретаря подсекции, направленное Дурылину менее чем за 2 недели до дня выступления:

Москва, 26-го сент. 1925 г.

С.Н. Дурылину

Многоуважаемый Сергей Николаевич!

Предс[едатель] п[од]с[екции] русск[ой] литер[атуры] Н.К. Гудзий просит Вас прочитать доклад «*Символизм и народная поэзия*» в пятницу 9-го или, самое позднее, в пятницу 16-го октября.

В случае же невозможности для Вас прочитать этот доклад теперь — мы просим прочитать доклад об Александре Добролюбове *не позднее пятницы 9-го октября*.

О Вашем согласии прошу Вас сообщить мне (по адресу Академии) в самый ближайший срок.

Ученый секретарь русской п/с Д.Усов⁶

На листке с письмом Дурылин карандашом сокращенно записал те источники, на которые должен был опираться.

Как и следовало предполагать, более подробные сведения находятся в отложившейся в архивном фонде ГАХН папке под заглавием: «Литературная секция. Подлинные протоколы заседаний подсекции русской литературы № 1–15 и материалы к ним»⁷.

«Протокол № 1 заседания п/с русской литературы литературной секции ГАХН от 9 октября 1925 г.»⁸, председательствовал

⁵ [Б.п.] Литературная секция // Бюллетени ГАХН. М., 1925. [№] 2–3. С. 32–33.

⁶ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 961. Л. 13. О докладе Дурылина «Символизм и народная поэзия» у нас информации нет.

⁷ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36.

⁸ Там же. Л. 2. В дальнейшем мы не указываем листы данного протокола и для большей отчетливости изложения временами нарушаем тот порядок, в котором документы подшиты.

на котором, как и в большинстве заседаний, Н.К. Гудзий, а ученым секретарем был Д.С. Усов, начинается списком членов ГАХН, пришедших на встречу. Вот он: «Присутствовали: Ю.Н. Верховский, Л.П. Гроссман, Б.В. Горнунг, Н.К. Гудзий, Д.С. Дарский, С.Н. Дурылин, А.И. Кондратьев, А.Ф. Лосев, Л.Е. Остроумов, М.А. Петровский, И.Л. Поливанов, И.Н. Розанов, А.И. Ромм, Д.С. Усов, С.В. Шувалов, Г.И. Чулков». Кажется, в особых комментариях эти имена не нуждаются.

Сохранился также явочный лист с подписями гостей, показывающий, что доклад заинтересовал очень многих. Нам, к сожалению, удалось прочитать не все фамилии: две остались неразобранными вообще, некоторые могут быть прочитаны нами неверно. Среди приглашенных — В. Саводник, Чекан, Михайловский, Н. Полухин, [К.Ф.] Юон, Е. Гениева, Л. Воскресенская, А. Левенталь, Е. Нерсесова, Ю.[Г.] Перель, А. Ведерников [?], Е. Черкас, Л.[В.] Горнунг, Е. [В.Н.?] Челинцева, Т. Шафман [?], А. Шенрок, З. Купер, Л. Фудель, Н. Чернышев, П. Васильев, Н. Чернышев, А. Печковский, Н. Устюгов, Н. Аппельберг[?], Артемьева, А. Ростовцев⁹.

Тезисы доклада и запись его обсуждения опубликованы¹⁰, и воспроизводить их здесь не имеет смысла (хотя при публикации в

---

⁹ Приведем минимальные пояснения о ряде присутствовавших. В.Ф. Саводник (1874–1940) — литературовед, впоследствии член-корреспондент ГАХН; Б.В. Михайловский (1899–1965) — выпускник Брюсовского института, аспирант ГАХН, впоследствии профессор МГУ, зав. сектором Горького ИМЛИ; Елена Васильевна Гениева (1891–1979), многолетний друг Дурылина, их переписка недавно опубликована; Л. Воскресенская — возможно, Лидия Александровна, жена доктора Александра Дмитриевича Воскресенского, сестра Е.А. Нерсесовой; А.Г. Левенталь — будущая жена Д.С. Усова, «Гуговна», как называла ее Н.Я. Мандельштам; Евгения Александровна Нерсесова (урожд. Бари, 1881–1967), близкий друг Дурылина; Шенрок — вероятно, Алексей Владимирович (1893–1968), впоследствии диакон; сразу два Н. Чернышева — художники Николай Сергеевич (1898–1942), близкий друг Дурылина, и Николай Михайлович (1885–1973), один из организаторов группы «Маковец», сотрудник ГАХН; Фудель Лидия Иосифовна (1895–1933) — дочь священника И.И. Фуделя, первая жена Н.С. Чернышева; Васильев — вероятно, Пантелеймон Иванович (1891–1976 или 1977), композитор, друг Дурылина; Николай Владимирович Устюгов (1896/97–1963), историк; Александр Петрович Печковский — «аргонавт», в начале века — студент-химик.

¹⁰ См.: *Усов Дмитрий*. «Мы сведены почти на нет...» М., 2011. Т. 2. С. 351–353, в комментарии Т.Ф. Нешумовой. Отметим лишь некоторые неточности: в последней фразе первого тезиса странное слово «эстеистичен» на самом деле читается «атеистичен»; в начале второго тезиса, вероятно, следовало сохранить индивидуальное написание: «Ничше» и «Гюисман»; то же относится к концу седьмого тезиса, где отчетливо написано «песнотворчестве» вместо нормативного «песнетворчестве». Тезисы датированы 3 октября 1925 г.

книге Дурылина они не были бы лишними), но следует отметить, что доклад (а соответственно, и статья) не раз переделывался. Под опубликованным в томе трудов Дурылина вариантом стоит дата «Коктебель. 17–26 июня 1926 г.» 22 октября того же 1926 года Дурылин на той же подсекции ГАХН читает доклад «Александр Добролюбов и Валерий Брюсов»¹¹. Видимо, мы должны предположить, что опубликованный в книге Дурылина вариант представляет собою синтез как первого доклада, так и второго, из которого была извлечена одна линия.

Как кажется, об этом свидетельствует краткое изложение доклада 1926 г.: «Основным началом личности Добролюбова и Брюсова является начало *волево*. Оно сделало из обоих организаторов русской символической школы, оно же развело их по разным путям: Брюсова в литературу и коммунизм, Добролюбова в мистику и сектантство. Первоначальная история их отношений отмечена преобладающим влиянием Добролюбова на Брюсова; отношение же Добролюбова к творчеству раннего Брюсова было явно критическим. В докладе Дурылина был приведен ряд неопубликованных писем обоих писателей»¹². В первом же примечании к опубликованному тексту статьи Дурылин пишет: «Приношу глубокую благодарность Ж.М. Брюсовой, разрешившей мне воспользоваться крайне интересными письмами А. Добролюбова к В.Я. Брюсову...»¹³ Естественно, что если бы эти «крайне интересные письма» были в распоряжении докладчика еще в 1925 году, он не преминул бы ими воспользоваться¹⁴.

Никаких следов доклада в фонде Дурылина в РГАЛИ не сохранилось, однако среди протоколов заседаний подсекции рус-

---

¹¹ Доклад с таким же названием числится как прочитанный на заседании «Кружка памяти Валерия Брюсова» 9 февраля 1927 г. (см.: РГАЛИ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 41об.). Отметим как характерный факт запись в протоколе заседания подсекции от 8 октября 1926 г.: «Ввиду того, что доклад С.Н. Дурылина является самостоятельным историко-литературным исследованием и включен в план работ п/с истории русской литературы на 1926–27 ак. год, утвержденный Правлением ГАХН, — просить Президиум об оплате доклада С.Н. Дурылина» (РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 47. Л. 4).

¹² Бюллетени ГАХН. 1927. № 6–7. С. 41.

¹³ Дурылин. С. 685. Эти выписки сохранились: РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 2. Ед. хр. 271. Л. 27–41. Дурылиным они озаглавлены: «Выписки из архива В.Я. Брюсова. Брюсов и Добролюбов».

¹⁴ Для будущих исследователей отметим, что сохранился и рукописный сборник П.П. Картушина, на который ссылается Дурылин (Из писаний брата Александра Добролюбова // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 1–28). Одновременно упоминание этого человека следует считать данью его памяти, принесенной Дурылиным. См.: Дурылин С.Н. В своем углу. М., 2006. С. 100–103 и др.

ской литературы литературной секции ГАХН сохранился протокол № 3 за 1926–1927 гг. от 22 октября, где находим хотя бы самые первоначальные сведения. Вот тезисы доклада:

1. В истории русского раннего символизма Брюсов и А. Добролюбов являются его истинными зачинателями, активистами и организаторами символического движения.

2. В деле создания русской символической школы, связанном с широким творчеством и культурным проникновением в символическое искусство Запада, Добролюбову принадлежит первенство. Это первенство В. Брюсов признавал одинаково и в начале 90-х г. при зарождении русского символизма, и в десятых гг. XX в., при подведении его итогов.

3. Основным началом личности Добролюбова, как и личности Брюсова, должно признать волевое начало. Именно оно сделало из них обоих деятелей и организаторов русской символической школы, но оно же и развело их в разные стороны: В. Брюсова в литературы и коммунизм, А. Добролюбова — в мистику и сектантство.

4. Первоначальная история отношений А. Добролюбова и В. Брюсова, до «ухода» первого в «народ», характеризуется явным преобладанием влияния А. Добролюбова над В. Брюсовым.

5. В. Брюсов высоко ценил творчество А. Добролюбова и в начале 90-х г., когда готовился быть его издателем, и в 900-ом г., когда выпрашивал у ушедшего в народ Добролюбова разрешения издать его последние стихи. Наоборот, отношение Добролюбова к творчеству раннего Брюсова было критическим.

6. Письма Добролюбова из эпохи его «ухода» показывают, что он высоко ценил личность Брюсова и посвящал его в самые сокровенные пути и уклоны в своей внутренней жизни. В 900-х гг. и позднее В. Брюсов сознательно отстранялся от общения с Добролюбовым.

7. В личностях А. Добролюбова и Брюсова, стоявших у колыбели русского символизма, выразились два начала в русском символизме. Русские символисты в своих жизненных и творческих путях пошли один [так!] за Добролюбовым, другие за Брюсовым¹⁵.

Из самого протокола мы узнаем, что на заседании было 7 членов и сотрудников ГАХН (Г.О. Винокур, Н.К. Гудзий, С.Н. Дурылин, С.А. Охитович, И.Л. Поливанов, Д.С. Усов, Г.И. Чулков), приглашенных же 40 человек, что было для подобных заседаний много.

Первым выступил А.А. Ильинский-Блюменау, говоривший не на тему, почему его реплика мы опускаем. Протокол дальнейшего обсуждения приводим полностью:

Иоанна БРЮСОВА — дополняет доклад С.Н. Дурылина своими воспоминаниями о Добролюбове 1898 г. В настоящее время Добролюбов, по слухам, живет на Алтае. В докладе С.Н. Дурылина даны правительные наблюдения над манерой отношения Брюсова к людям (внима-

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Карт. 47. Л. 8.

ние к ним до постижения их, потом резкий отход или же деловые сближения).

Н.К. ГУДЗИЙ — находит, что влияние Добролюбова на Брюсова-поэта не было столь органичным, как это могло бы казаться, — он более интересовался Добролюбовым как сильною яркою личностью на фоне третьестепенных поэтов эпохи. Брюсову-эклектику Добролюбов был интересен как одна из многих разновидностей. Кроме Добролюбова Брюсов интересовал еще в те годы один неизвестный поэт — Степанов. Доклад мог бы быть пополнен наблюдениями над Брюсовым-символистом — как известно, символизм для Брюсова всегда был только литературной школой. Что касается самого Добролюбова, то он был особой (об) линией в русском символизме, насыщенной декадентством.

Г.Н. БУЛЫЧЕВ — для В. Брюсова в Добролюбове был дорог неповторимый поэт, обладавший своим лицом, несмотря на свое косноязычие.

С.Н. ДУРЫЛИН — благодарит всех участвовавших в прениях за их дополнения и соображения и останавливается на вопросе об отношении Брюсова к символизму: для него символизм был чем-то, лежащим в проблеме формы. Статья «Ключи тайн» могла быть вызвана увлечением потебнианством. Вопрос об отношении Брюсова к Добролюбову придется много раз ставить, усложняя его материалами. Стихотворение Брюсова «Камни» можно считать отголоском «Из Книги Невидимой». Можно говорить о влиянии общих литературных источников: у обоих бодлэрианские сонеты. Декадентство Добролюбова было чрезвычайно жизненным; оно предугадывает ряд уходов — Белого в теософию, Эллиса и Соловьева в католичество и т.д. В настоящее время продолжают существовать добролюбовцы. Деятельность самого Добролюбова продолжалась еще в начале Революции: он писал песни и составлял нравоучительные сборники типа толстовского «Круга чтения»¹⁶.

Наконец, из явочного листа мы узнаем имена еще некоторых присутствовавших на заседании: Е.А. Нерсесова (о которой см. выше) на этот раз была с мужем Александром Нерсесовичем (1877–1953), профессором-юристом, а в это время — директором университетской библиотеки. Лев Охитович, как и упомянутый выше Сергей Александрович Охитович — литераторы. В. Измаильская — исследовательница творчества А.А. Блока, неоднократно выступавшая на заседаниях той же секции. Были там известный впоследствии профессор Б.И. Пуришев с женой, литератор София Николаевна Шиль (известна также под псевдонимом Сергей Орловский; 1863–1928), писатель и последователь Н.Ф. Федорова А.К. Горностаев, поэтесса и впоследствии детский драматург Валентина Александровна Любимова (Любимова-Маркус; 1895–1968) и, наконец, Марина Казимировна Баранович (1901–1975) — актриса, переводчица, антропософка, помощница Б.Л. Пастернака¹⁷.

¹⁶ Там же. Л. 7 и об.

¹⁷ Там же. Л. 9.

Отметим также, что в одной из записных книжек Дурылина сохранился большой фрагмент, связанный с работой над исследованием биографии и творчества Добролюбова. Прочитывая вопрос Д.С. Мережковского: «...за пять веков христианства, кто третий между этими двумя — св. Франциском Ассизским и Александром Добролюбовым?»¹⁸ — он подробно на него отвечает. Поскольку наши заметки далеки от академического труда, приведем лишь самое начало этих рассуждений, которое уже дает представление о дальнейшем их направлении: «Я не знаю, почувствовал ли Мережковский до конца всю правду своего дерзкого вопроса, и даже не знаю, м. б., на этот вопрос можно ответить, что третий есть — но я наверное знаю, что есть огромная область христианского сознания и действия, в которой *третьего* между св. братом Франциском и братом Александром, русским юношей нашего времени, *определенно* нет. Если и есть этот третий, то уже за пределами христианства. Это область отношения человека к зверю, твари словесной к твари бессловесной, твари разумной к твари неразумной»¹⁹.

2. «БОДЛЭР И РУССКИЙ СИМВОЛИЗМ»

Второй материал, нуждающийся в некотором комментарии, был опубликован Г.В. Нефедьевым²⁰ с должной текстологической подготовкой и обширным комментарием, а также с попыткой проследить историю текста этой работы — от первой зафиксированной попытки Дурылина еще в 1910 г. написать работу «Бодлер и Лермонтов» до завершения публикуемой статьи. Как часто бывает в подобных случаях, вполне возможны споры об отдельных аспектах работы предшественника (так, мы бы взяли в качестве основного текста вариант неопубликованного сборника «Русские символисты», а не машинописи с правкой из архива Дома-музея Дурылина, поскольку прагматика второго неясна, а первый был предназначен к печати), но мы ограничимся лишь указаниями на ряд текстов, оставшихся вне поля его зрения.

Доклад «Бодлэр и русский символизм» (ведший протокол Д.С. Усов пишет «Боделэр», и мы сохраняем оба написания) Ду-

¹⁸ Дурылин. С. 733. Эти же слова есть в рукописи, о которой мы говорим далее.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 42. Дальнейшие размышления идут до л. 47, иногда помечаясь как вставки на определенную страницу, но какого варианта — пока понять не удалось.

²⁰ К истории русского символизма: С.Н. Дурылин о Ш. Бодлере / Публ. и примеч. Г.В. Нефедьева // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования. М., 2014. С. 253–327.

рылин сделал 19 февраля 1926 года. Публикатор отыскал в записной книжке Дурылина и воспроизвел (насколько это было возможно: карандашные пометы и в самом деле очень неразборчивы) его запись обсуждения доклада, последовавшего сразу после окончания. Однако у нас имеется возможность познакомиться с более развернутой записью в протоколе заседания. Вот она:

М.Д. ЭЙХЕНГОЛЬЦ находит, что доклад построен без материальной базы — без детального анализа тех стихотворений Боделэра, которые могли повлиять на стихи русских авторов. Не обследован *стиль* Боделэра — сочетание метафор, аллегорий, импрессионистического метода и т.д.; Боделэр соединяет стиль романтиков с некоторыми приемами парнасизма. Кроме отдельных тематических замечаний, влияющая стилистическая сторона творчества Боделэра не отмечена. В частности, оппонент выдвигает вопрос, на чем основывается характеристика «Сенилий» как произведения, возникшего под влиянием Боделэра.

Д.С. УСОВ отмечает безусловную *историческую* ценность доклада С.Н. Дурылина. Следовало пристальнее всмотреться в работу символистов *по переводу* Боделэра и в их выбор — напр., у Вячеслава Иванова. Почти обойден вниманием И.Ф. Анненский, его переводы и 1 подражание Боделэру; в общей картине русского боделэрианства даже отдельные высказывания Анненского — «иногда мелочи показательны», заметил сам докладчик, — лягут на свое место.

Г.И. ЧУЛКОВ: как кажется, задание доклада было мемуарным и материальным. Но воспоминания всегда подвергаются опасности увидеть факты в неверной перспективе и в неверном масштабе. Так, значение Элиса [так!] выдвинуто не совсем точно. Оппонент характеризует *бестолковость* Элиса как психологического типа; с историко-литературной точки зрения, он представляет собой только курьез. Его переводческие приемы были тоже далеко не всегда мастерскими. Мнения Вяч. Иванова, Блока, Белого об Элисе всегда показывали, что они знают ему место. Основной стержень доклада превосходно сделан. Он ценен именно постольку, поскольку он мемуарен. Смущает только некоторая нечетливость *оценки* русского боделэрианства.

А.А. СИДОРОВ: основной пафос доклада был устремлен к тому, чтобы доказать, что символизм проломил рамки чистой литературы и стал мирозерцанием. «Разница масштаба», о которой говорил Г.И. Чулков, воскрешает перед нами разницу между петербургской и московской школой. Крахтовский кружок — филиал «Мусагета» — имеет все права на внимание рус книжной культуры. После А. Добролюбова Элис был самой трагической фигурой русского символизма. Он более гениален, чем талантлив. У него не было неизбежного фундамента формальных предпосылок, которые могли бы из него сделать поэта. Что же касается его переводов, то если есть где-либо в русской переводческой литературе *перлы*, то к ним принадлежат переводы.

Изучение Боделэра для эпохи около 1910 г. было чрезвычайно серьезной и строгой школой. Это имя заставило всех, имевших отношение к символизму, присмотреться и к задачам поэтики, и к задачам формальной композиции стихотворений, и к задачам символического миро-

воззрения. Здесь докладчик скорее даже преуменьшил значение Боделэра. Оппонент указывает на некоторые работы Крахтовского кружка: С.Я. Рубанович дал изумительные переводы забракованных пьес Боделэра; ряд докладов из среды молодого «Мусагета», прочитанных тогда, имели бы значение и в настоящее время для ГАХН. Такова, по мнению оппонента, и его собственная детальная работа по обследованию переводов Стефана Георге из «Цветов Зла». В заключение А.А. Сидоров отмечает, что русский символизм в широком смысле переживает сейчас волну заслуженного внимания, которое особенно приятно констатировать в общем направлении работ подсекции русской литературы.

И.Н. РОЗАНОВ: докладчик указал на 4 стороны материала по «русскому боделэрианству»:

1. Боделэр в претворении русских символистов.
2. Боделэр в переводах
3. Боделэр в отзывах.
4. Боделэр в жизни

Но не обо всех этих сторонах доклад дает полное представление. Элис недостаточно известен, чтобы, говоря о нем, можно было обойтись без цитат. Докладчик напрасно ограничил свою работу московскими символистами и не назвал поэтов, интересных *по сравнению* с Боделэром — как, например, Сологуб, Александр Тиняков.

Б.В. ГОРНУНГ: в докладе смешаны 2 темы — 1. тема историко-литературная, где можно построить этюд о влиянии Боделэра на русский символизм, и 2. тема о русском боделэрианстве с точки зрения философии культуры. Доклад С.Н. Дурылина относится ко 2-й теме. Следовало поставить вопрос о судьбе учений такого типа, как Боделэрова; они всегда выходят за пределы литературного и для литературы оказываются бесполезными. В этой области Боделэр ждет такого исследователя, каким был Жирмунский для Brentano. Боделэр как учитель, вероятно, еще долго останется живым и не отойдет в область истории литературы, тогда как чисто литературное влияние Боделэра уже отошло в прошлое.

Наконец, докладчик указывает, что в настоящее время еще нельзя говорить о серьезном изучении Боделэра ни на Западе, ни в России. Как следствие недостаточно серьезного отношения к изучению Боделэра на русской почве является, напр., Сергей Кречетов с его вульгарным и примитивным демонизмом и садизмом; такие явления даже вдохновляют на борьбу с Боделэром.

По вопросу о Тургеневе оппонент замечает, что Тургенев Боделэра *знал*. Но, по компетентному указанию Л.П. Гроссмана, никаких биографических данных о каком-либо интересе Тургенева к Боделэру установить нельзя.

Б.В. НЕЙМАН указывает на книгу киевского исследователя Радзевича о влиянии Боделэра на Тургенева. Из русских боделэрианцев следовало еще привлечь А. Мирэ с ее стихотворениями в прозе.

Н.К. ГУДЗИЙ находит, что настоящий доклад — один из интереснейших в русской подсекции за текущий год. Его хочется рассматривать как в известном смысле *программный* — на тему о боделэровском влиянии; он живо подводит нас к проблеме боделэровской культуры в

русском эстетическом сознании известной поры. Может быть, фигура Элиса выдвинута в ущерб общей перспективе, но услышать о ней было любопытно так же, как в предыдущем докладе С.Н. Дурылина — об Александре Добролюбе. Если же расчленять данный доклад на детали — к нему можно было бы заявить ряд историко-литературных претензий.

С.Н. ДУРЫЛИН указывает, что тема доклада была и уже, и шире того, чего от него ждали. Для него Боделэр представлял *жизненный* интерес. Наряду с Тиняковым могут быть названы Курсинский и Головачевский. Типологически все они названы в Брюсове, но то, что у него — большая картина, здесь — миниатюра.

Что касается рассмотрения материала поэзии Боделэра, прямо влиявшего на тот или иной цикл русских поэтов, то эта тема потребовала бы такого формального подхода, который совершенно не оставил бы места для всей «мемориальности» и для всех культурно-исторических справок. Боделэр — поэт пластик по преимуществу. Во всем своей багаже метрическом, эйдологическом и стилистическом Боделэр — типичный традиционалист. Тургенев у Флобера находился у колыбели новой французской поэзии и возможность встречи с Боделэром и испытанного влияния не исключается. На замечание Д.С. Усова докладчик указывает, что Вячеслав Иванов выбрал произведения Боделэра, говорящие о нем как об учителе жизни. Что касается И. Анненского, то это — индивидуальный угол русского символизма, так же, как и Ф. Сологуб.

Заседание закрывается в 22 ч. 20 м.²¹

Приведем также тезисы к этому докладу:

1. Литературная школа русского символизма создалась под преимущественным влиянием и воздействием французского символизма; участие в ее судьбе немецкого и английского символизма несравненно менее заметно.
2. Наиболее постоянным и прочным влиянием на русских символистов следует признать из всех французских поэтов влияние Бодлэра.
3. Усвоение Бодлэра и его поэзии со стороны его формы и содержания началось в русской поэзии еще гораздо раньше появления школы русских символистов. Бодлэр впервые вышел в русскую поэзию как поэт города (со стороны содержания) и как автор стихотворений в прозе (со стороны формы).
4. Будучи переводим еще в 60-х годах XIX ст. Бодлэр не вошел в творчество поэтов 60–70 г. Наоборот, с появлением первых символистов в начале 90-х г. Бодлэр не только становится одним из наиболее часто переводимых поэтов, но и входит тесно в собственное творчество первых символистов.

---

²¹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 6. Ед. хр. 36. Л. 33–34 об. Текст выступления Д.С. Усова ранее был воспроизведен Т.Ф. Нешумовой: *Усов Дмитрий*. «Мы сведены почти на нет...». М., 2011. Т. 1. С. 480. Фамилия М.Д. Эйхенгольца была неверно воспроизведена Г.В. Нефедьевым как «Эйхенвальд». Дурылин записал также выступление Б.В. Неймана, которое публикатору разобрать не удалось.

5. Для первых символистов Бодлэр был знаменем нового содержания, вносимого в поэзию поэтами нового искусства.

6. Сильное влияние и прямое заимствование содержания и основной теоретической темы Бодлэр[а] находится в стихах Мережковского, Бальмонта, Брюсова и меньших поэтов 20 г. [так!]

7. Изучение Бодлэра со стороны его формально-творческих задач и методов было начато еще в 80-х годах А.И. Урусовым и усиленно продолжено в 90-х.

8. Бодлэр как теоретик и глава французского символизма с наибольшей яркостью был изучен и отображен в критической и поэтической деятельности Эллиса. В конце 900-х значение Бодлэра как одного из основоположников символизма как мировоззрения было выдвинуто Андреем Белым.

9. В связи с деятельностью Эллиса и Белого в начале 1910 г. XX ст. Бодлэр был изучаем как типологический образ художника действительного искусства и подлинно символического мировоззрения²².

И, наконец, присутствовавшие. Помимо выступавших, в протоколе и явочном листе значится Ольга Александровна Шор (1894–1978), многолетняя спутница, биограф и издательница сочинений Вяч. Иванова; известный впоследствии лингвист, а тогда школьный учитель Николай Семенович Поспелов (1890–1984); под фамилией Кругликова хотелось бы видеть известную художницу, но она в те годы жила в Ленинграде (что, конечно, не исключает присутствия на заседании); известный литературовед В.Л. Львов-Рогачевский; Л. Маяковская — возможно, сестра В.В. Маяковского Людмила Владимировна (1884–1972); о Е.В. Гениевой мы уже говорили ранее; Юрий Григорьевич Перель (присутствовал и на докладе 1925 г.) — возможно, известный впоследствии историк астрономии (1905–1964). Б.В. Михайловский, М.П. Штокмар, А.В. Алпатов, тогда аспиранты, впоследствии стали довольно известными литературоведами. А.А. Штейнберг, выступившая с двумя докладами о журнале «Весы», также, судя по всему, была аспиранткой ГАХН.

Отметим также, что будущий историк творчества Дурылина, которого заинтересует работа над этим текстом, должен будет обратиться к ветхой записной книжке, включающей раздел «Бодлэр в русском символизме. (Соображения и воспоминания)»; он открывается констатацией: «Впервые стихи Бодлэра появились на русском языке в конце 60-ых годов, в переводах наиболее прилежных переводчиков той эпохи В.С. Курочкина и В.С. Лихачева»²³, после чего следуют многочисленные заметки Дурылина о поэзии Бодлера, иногда помечаемые как вставки в конкретные места рукописи работы.

²² Там же. Л. 35.

²³ РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 230. Л. 33.

Как кажется, история доклада и его восприятия современниками заставляет нас относиться к нему, а впоследствии статье Дурьлина не только как к исследованию, но и как к воспоминаниям или напоминанию об Эллисе, находившемся в это время за границей и выпавшем из поля зрения большинства слушателей Дурьлина, а возможно — и его самого. Впрочем, это уже тема для других разысканий²⁴.

Литература

Дурьлин С.Н. Статьи и исследования 1900–1920 годов / Изд. подгот. А.И. Резниченко и Т.Н. Резвых. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.

Нефедьев Г.В. К истории русского символизма: С.Н. Дурьлин о Ш. Бодлере // Книгоиздательство «Мусагет»: История. Мифы. Результаты: Материалы и исследования / Сост. А.И. Резниченко. М.: РГГУ, 2014. С. 253–327.

Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...». Приложение: Переписка С.Н. Дурьлина и Эллиса (1909–1910 гг.) // С.Н. Дурьлин и его время. М.: Модест Колеров, 2010. Кн. 1. С. 113–158.

Усов Дмитрий. «Мы сведены почти на нет...» / Изд. подгот. Т.Ф. Нешумова: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2011.

References

Durylin S.N. *Stat'i i issledovaniia 1900–1920 godov* [Articles and studies 1900–1920]. Izd. podgot. A.I. Reznichenko i T.N. Rezykh. Saint-Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2014. 895 p.

Nefed'ev G.V. K istorii russkogo simvolizma: S.N. Durylin o Sh. Bodlere [To the history of Russian symbolism: S.N. Durylin about Sh. Baudelaire]. *Knigoizdatel'stvo «Musaget»: Istorii. Mify. Rezul'taty: Materialy i issledovaniia* [Books Publishing “Musaget”: History. Myths. Results: Materials and Research]. Sost. A.I. Reznichenko. Moscow, RGGU Publ., 2014, pp. 253–327.

Nefed'ev G.V. «Moia dusha raskrylas' dlia vsego chudesnogo...». Prilozhenie: Perepiska S.N. Durylina i Ellisa (1909–1910 gg.) [“My soul has opened up for all that is wonderful...”. Appendix: Correspondence Durylin and Ellis (1909–1910 gg.)]. *S.N. Durylin i ego vremia* [S.N. Durylin and his time]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, kn. 1, pp. 113–158.

Usov Dmitrii. «My svedeny pochni na net...» [“We are reduced almost to nothing ...”] Izd. podgot. T.F. Neshumova: V 2 t. Moscow, Ellis Lak, 2011.

From the notes of a Commentator

4. About S.N. Durylin's Works on Symbolism

Nikolay A. Bogomolov

Abstract: The notes offer some additional data (including the ones based on the funds of the State Academy of Artistic Sciences — GAKhN) concerning Ser-

²⁴ Подход к теме и публ. переписки Дурьлина с Эллисом за 1909–1910 гг. см.: Нефедьев Г.В. «Моя душа раскрылась для всего чудесного...» // С.Н. Дурьлин и его время. М., 2010. Кн. 1. С. 113–158.

gei Durylin's lectures and articles of the 1925–26 on the early Russian decadent Alexander Dobroliubov, Charles Baudelaire and Russian Symbolism. Published 90 years later, these works however were well-known in the 1920s due to the discussions at the State Academy of Artistic Sciences, where Durylin's lectures assembled a wide audience of writers and scholars.

Ключевые слова: S.N. Durylin, State Academy of Artistic Sciences (GAKhN), Russian Symbolism, source studies, commentary.

Информация об авторе: Nikolay A. Bogomolov, Doctor Hab. of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University. E-mail: nab50@mail.ru